

Аймен Ақшин

ВАЛЬС
НА РАЗБУТЫХ
БУТЫЛКАХ

Айтен Акшин

Вальс на разбитых бутылках

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5019609*

Аннотация

Очутиться на главной площади вечного города не просто в канун наступающего года, но еще и попасть на историческое событие ввода новой денежной единицы. Если к тому же речь идет об ученом, специалисте по этрусской культуре, то кажется, что счастливее его и быть никого не может на свете. Но все не так просто и однозначно ни в жизни института, направившего его на конференцию, ни в его собственной.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Айтен Акшин

Вальс на разбитых бутылках

– Нариман, возьми теплое нижнее белье!

Вытирая влажным полотенцем пыльный черный чемодан, она прислушалась к голосам ребятишек, доносившимся из соседней комнаты, и окликнула мужа еще раз:

– Нарима-а-н! Ты меня слышишь?

Нариман сидел на табуретке перед югославской «стенкой», подперев стулом откинутую дверцу секции «бара». Мебель в гостиной занимала слишком много места, а детишек у Наримана было больше, чем жилплощади, рассчитанной на них. Поэтому эту «инкрустированную деревяшку», как он называл гостинный гарнитур, решили втиснуть в спальню. Кровати пришлось, правда, разъединить и поставить вдоль комнаты, придвинув к стене, иначе югославская мебель наотрез отказывалась помещаться в спальню трехкомнатной хрущевки.

– Зато детям просторнее будет и гостей можно разместить, – успокоил Нариман жену, увидев ее несколько озадаченное лицо, после того как мебель вновь собрали в спальню.

Затем, нагнувшись, шутливо шепнул ей на ушко:

– Ну, а мы с тобой... разберемся, не так ли?

Стыдливо отмахнувшись, Салима заулыбалась и поспешила на кухню.

Одну секцию мебели, предусмотренную для столовой посуды, Нариман приспособил под библиотеку, а «бар», которого у него никогда толком и не было, превратил в подобие секретера, поместив сюда вместо бутылок со спиртными напитками всю институтскую документацию. И в этом самом «баре», как он продолжал называть свой рабочий отдел, он пытался теперь найти визитную карточку сеньора Пиачеззо, полученную от самого Пиачеззо пять лет назад. Стараясь не упираться особенно на ненадежную откидную дверцу, он по одному вытаскивал сложенные вместе конверты и бумаги. Бережно перекладывал все на служившую ему столом дверцу. Пыхтя садился на табуретку. Пересматривал всю стопку. Перетряхивая, складывал все вместе и, становясь коленками на табуретку, залезал опять в отверстие мебели, отправляя на место пересмотренную и забирая новую по одному, непонятному и ему самому методу, отсортированную порцию бумаг. Одновременно он журил себя за забывчивость, неаккуратность, за то, что не попытался завязать настоящую переписку с сеньором Пиачеззо.

«Разве только с ним? – Нариман вздохнул, рассматривая ненужные сейчас, но тщательно разыскиваемые совсем недавно визитные карточки, адреса, фотографии. – Сколько

нужных контактов потеряно, а ведь чем дальше, тем сложнее сесть и написать: Уважаемый Такой-то! Вам пишет Нариман Сабирли, с которым вы повстречались на научно-практической конференции столько-то лет назад...». Нариман отрицательно покачал головой, как бы заранее отказываясь писать подобное письмо. Подумал о том, что на нем «висят» статьи в институтский журнал и газету, где он подрабатывает «внештатником», рецензии на работы дипломников, помимо этого, он – руководитель трех кандидатских, плюс оппонент на докторской работе, плюс лекции в двух институтах, а тут еще эти дурацкие покалывания в груди, когда он думает о книге, которую пытается закончить уже второй год. «При всем этом денег катастрофически не хватает, – подвел он мысленно черту, – времени тоже. Ни на себя, ни на семью. А тут еще эта поездка...» Нариман опять вздохнул и вновь, встав на коленки, полез в отверстие мебели.

Держа в одной руке тряпку с черным налетом пыли, Салима вошла в спальню и, увидев мужа, буквально с головой влезшего в югославскую «стенку», невольно вскричала:

– Ай Нариман, что ты делаешь?!

От неожиданности Нариман стукнулся головой об верхнюю перегородку внутри «бара», выронил бумаги и, потеряв равновесие, уперся в откидную дверцу, которая тут же, скрипнув, сорвалась с петель, увлекая его за собой на пол. У Салимы ослабли коленки. Медленно приблизившись к рас-

пластавшемуся на мебельной дверце мужу, она запричитала слабым голосом:

– Ах, чтобы Аллах меня покарал, чтоб язык мой отсох...

Нариман сполз с дверцы и сел на пол. Внимательно рассмотрел, иногда потирая, ушибленные места. Еще раз оглядел правую кисть с содранной кожей, перевел глаза на все еще причитавшую жену и прикрикнул:

– Салима!

Тут же замолчав, Салима испуганно уставилась на мужа.

– Помоги мне лучше подняться, – прокряхтел Нариман.

Маленькая щупленькая Салима тут же бросилась к мужу и, все еще сжимая в одной руке тряпку, попробовала сдвинуть его с места, пока не растянулась рядом. Нариман встал и помог подняться жене. Они сели на его кровать. Салима хмуρο сказала:

– Это все зависть. Глаз это, глаз! Сглазили тебя в институте твоём...

– Не говори глупостей! – опять одернул жену Нариман, укоризненно взглянув на нее.

Но у Салимы был до того жалкий вид, что он невольно усмехнулся и, погладив ее по руке, сказал:

– Ладно, ладно. Ничего страшного не случилось. Дверцу можно починить, ушибся я тоже не так сильно. Сама-то как?

Салима красноречиво махнула рукой, желая сказать этим, что лучше бы она пропала вовсе и сгинула бы в ад, чем стать виновницей его несчастий, но боясь опять вызвать раздра-

жение мужа, лишь боязливо спросила:

– А что ты делал, Нариман?

Нариман встал с кровати, схватившись за дверцу, приподнял ее и прислонил к мебели, затем сел на табурет.

– Визитку ищу... одного итальянского журналиста.

– ...

– Понимаешь, все время перед глазами торчала, а теперь, когда понадобилась, как в воду канула.

– В какую воду? – заинтересованно спросила Салима, вспомнив, что надо послать вниз мальчиков, чтобы из дворового крана подняли наверх еще два-три ведра воды, и, не дожидаясь ответа, добавила. – Рабия с первого этажа сказала, что где-то сильная авария случилась, поэтому еще неделю воды не будет.

Нариман отвел глаза в сторону, словно он был причиной всех аккуратно раз в месяц происходящих аварий. Затем вновь взглянул на жену, тронул ее за руку и, увидев тряпку, тоже спросил:

– А ты что делала, Салима?

Салима всполошилась, вспомнив для чего звала мужа, и затараторила с удвоенной энергией:

– Чемодан вытирала. Ай Нариман, возьми теплое нижнее белье. Мамед говорит, что где-то вычитал, что в Риме нет отопления, а канализация еще до нашей эры...

Оборвав себя на полуслове, она горестно покачала головой, прижав руку с тряпкой к груди, и продолжила тихим,

полным печали голосом.

– Бедные, бедные люди... Как живут, а? А мы все жалуемся и жалуемся. У нас ведь новенькая канализация, а без конца все течет и лопается, вон вчера весь первый этаж опять залило, а у этих..., – она лишь горестно всплеснула руками, сопереживая римлянам и их дряхлой канализации.

Нариман опять встал. Салима тоже вскочила с кровати. Он погладил жену по плечу и успокоительно сказал:

– Молодец Мамед. Хороший у нас сын растет, Салима. На-читанный. А за «их» канализацию ты не переживай, она хоть и старая, зато надежная, – затем, запустив руку в «бар», собрал в стопку выроненные перед недавним падением бумаги, сел снова на табуретку и, положив на колени, добавил. – А зимы у них практически не бывает, почти как у нас...

– Тогда уж точно возьми теплое нижнее белье! – опять всполошилась Салима.

За ужином Нариман рассказывал притихшим детям о древней этрусской культуре. Салима хлопотала за столом, внимательно следя за тем, чтобы за увлеченным рассказом никто не забыл о запеченной в плове курице. Не смея перебивать мужа, она выжидала, когда он временами уходил в спальню.

Возвращавшийся с книгами, картами и путеводителями Нариман заставлял детей с набитыми ртами, сосредоточенно жующих и бросающих сердитые взгляды на мать, сидевшую

с невозмутимым выражением лица. Внимательно оглядывал каждого члена семьи, затем спрашивал:

– Может быть, вам неинтересно, тогда...

Давясь едой, дети дружно мычали и кивали головами, показывая, что готовы слушать дальше, и Нариман уже давно, к неудовольствию Салимы, передвинувший свою тарелку с остывшей едой на середину стола, продолжал горячо рассказывать, следя лишь за тем, чтобы книги и карты оставались в поле его зрения. Лишь Мамеду, сидевшему по его правую руку, позволялось заглядывать в лежавшие рядом карты. Когда Нариман начал рассказывать про катакомбы, обнаруженные в предместьях Рима, Салима ушла на кухню разогревать остывший ужин. Вернулась она с блюдом овальной формы, на котором красиво был уложен рис с кусочками курицы и сухофруктами. Нариман уже говорил о толщине стен Пантеона, а маленькая Медина, которую кормил с ложки Мамед, увидев мать, захлопала в ладошки и закричала:

– Пантелони, пантелони!

Мамед и Нариман дружно рассмеялись. Салима тоже улыбнулась и выждав, когда за столом наступит тишина, тихо попросила:

– Нариман, поужинай, а...

Мамед занял место отца, предварительно сбегав в ванную и вымыв руки. Нариман сел за другой конец стола и с удовольствием стал есть плов. Салима по одному вводила детей и укладывала их спать, обещая, что утром они еще раз

успеют попрощаться с отцом. За столом остались Мамед и Нариман. Мамед, уткнувшись в карты, водил по ним пальцем, беззвучно шевеля губами. Нариман украдкой наблюдал за сыном. Почувствовав на себе взгляд отца, Мамед поднял голову. Когда они встретились глазами, Нариман сказал:

– Ну, сынок, остаешься за старшего...

Нариману не спалось. Вначале он упрекнул себя за то, что поздно и к тому же плотно поужинал, потом задумался о «национальной привычке» набивать на ночь желудок едой и вспомнил археолога из Бельгии, которого работники института баловали изысканной азербайджанской кухней, наперебой приглашая к себе домой. Бельгиец, высоко оценивший азербайджанское гостеприимство, тем не менее всем задавал один и тот же вопрос, на который толком никто не мог ответить.

Из темноты на мгновение появилось вдруг недоумевающее лицо бельгийского археолога и, спросив: «Почему ви кушать перед спать?» – тут же исчезло.

Нариман усмехнулся и повернулся на бок.

Иностранного гостя иногда забирали в районы, чтобы показать знаменитые археологические памятники. После одной из таких поездок, появившись в институте, он первым делом зашел к Нариману. Увидев его помятый вид, Нариман ни на шутку перепугался и невольно вскричал:

– Что с тобой, Жан Марк, ты заболел?

Оглянувшись по сторонам, словно опасаясь, что кто-нибудь его может услышать, всегда корректный и тактичный бельгиец шепотом спросил:

– Наримань, умоляю скажи, что за суп с волосами вы кушать пять утря?

Выяснилось, что хозяева домика, где Жан Марк остановился с сопровождающими его людьми, решили побаловать иностранца и гостей из Баку хашем¹. Нариман готов был сквозь землю провалиться и даже не знал с чего начать: рассказать о хаше и особенностях его приготовления или обругать нерадивое гостеприимство неумелых хозяев. Вслух же он, почему-то тоже перейдя на шепот, сказал:

– Это называется «хаш», а волосы не должны быть, понимаешь... Они просто плохо почистили ноги..., – увидев, как побелело лицо Жан Марка, Нариман заторопился. – Я имею в виду ноги коровы, то есть...

Но Жан Марка уже стошнило, и он пулей вылетел в коридор.

Нариман в темноте тихонько рассмеялся, потом взгрустнулось оттого, что Жан Марк так и уехал, не попробовав настоящего хаша. Во второй раз уговорить его не смог никто, даже Салима. Ему очень нравились блюда, приготовленные Салимой, он лишь искренне каждый раз удивлялся тому, что

---

¹ Хаş (азерб.) – азербайджанское блюдо, известное также как «еда бедняка», варится из телячьих ног. Готовят его в основном зимой, оставляя на медленном огне на всю ночь. Похлебку едят на заре, добавляя соус из виноградного уксуса и мелконарезанного чеснока.

Салима, окончившая институт иностранных языков и назубок знавшая достаточно сложную грамматику французского языка, не могла и двух слов с ним связать на французском.

Нариман опять лег на спину и задумался: «Салима..., милая Салима...»

Салиму хотели оставить на кафедре в институте, но Мамед был тогда еще совсем крошкой, и она не захотела отдавать его в ясли. Родные остались в деревнях, так что помощи ждать было не от кого. Когда Мамедик пошел в школу, то уже родился Ибрагимчик, потом через три года Зулечка, и еще через три – Медина. Так и осталась Салима на целых восемнадцать лет сидеть дома, занимаясь детьми и хозяйством, и по ночам, несмотря на его слабые протесты, переписывать своим аккуратным почерком его рукописи, за которые не решалась браться ни одна машинистка. Так Нариман защитил кандидатскую, докторскую и опубликовал пять книг. Они расплатились с долгами, купили печатную машинку, и Салима начала сразу печатать с его черновиков, подкладывая вечерами под машинку подушку, чтобы не мешать детям спать. И мечтать, как и Мамед, о компьютере, которого в то же время, как впрочем всего нового в своей жизни, страшно боялась. Со следующего года, как раз, когда Мединка пойдет уже в садик, ей обещали работу библиотекаря в родном институте.

Нариман вздохнул, подумав о том, что у жены диплом

преподавателя, а она будет сидеть в библиотеке и страшно рада этому.

– Еще бы, – упрекнул он себя шепотом, – поддержи человека лет двадцать дома, он и в дворники пойдет.

Что-то кольнуло в правый бок, потом послышался тихий голос Салимы, в очередной раз пожаловавшийся:

– Как будто стены на меня падают, ай Нариман...

Потом в темноте возникло ее испуганное лицо и отрицательно замоталось из стороны в сторону в ответ на его предложение:

– Давай выбросим стенку.

Нариман, конечно же, имел в виду злополучную югославскую мебель.

Из кухни, несмотря на закрытую дверь, доносилось бречание посуды и шум льющейся воды. Нариман прислушался и опять упрекнул себя. Теперь уже за то, что никогда не помогает жене по хозяйству. Потом отругал себя за то, что недостаточно внимания уделяет и детям. «Не занимаюсь с ними, не проверяю домашние задания, не заглядываю в дневники и редко выбираюсь с ними на прогулки, да и без них тоже...», – беспощадно перечислял он про себя. Затем попытался вспомнить, когда в последний раз был с Салимой в театре. Так и не вспомнив, сел на кровати и схватился за голову, прибавив к своим грехам и то, что еще в канун празднования Нового года уезжает в Рим. Чувство вины забулька-

ло сначала в животе, потом кольнуло в бок и пробралось под левую грудь. «Это не сердце, а желудок, – резонно отметил про себя Нариман, прислушиваясь как неприятные ощущения добрались до горла и выйдя громкой отрыжкой, подвели черту его размышлениям. – Я неправильно живу!»

Это умозаключение подняло его на ноги. Он встал в узком коридоре между кроватью и югославской стенкой, нащупал в темноте уже починенную Мамедом дверцу. Обругал себя за то, что не умеет и гвоздя забить. Осторожно потянул на себя дверцу и, придерживая ее рукой, нашарил в левом углу таблетки снотворного, вытянул их и осторожно закрыл предательскую дверцу. Открыв тяжелые гардины, сел на кровать. Отодвинул масляный радиатор на колесиках, заменяющий центральное отопление, которого либо вообще не было, либо оно было «умирающим», по выражению Салимы, которая в день по несколько раз щупала чуть тепловатые батареи.

Откусанная наполовину луна осветила комнату и сидевшего в черных спортивных трусах и белой майке мужчину на кровати. Нашупав под ногами бутылку с водой, он на ощупь распечатал упаковку и вынул маленькую таблетку. Заглотав, поспешно запил водой, осторожно прокашлялся и вновь прислушался. Из кухни донеслись голоса Салимы и Мамеда. Журчание воды прекратилось, заменившись глухим стуком печатной машинки и приглушенным звуком телевизора.

Нариман рассердился. «Знают ведь, что мне утром в аэро-

порт, можно же хоть один раз пораньше лечь!» – проворчал он про себя сердито. Вытащил из-под подушки косынку и обмотал ею лоб, убеждая себя в том, что от боли у него уже разламывается голова. Затем нащупал светозащитные очки и натянул их сначала на глаза, потом сердито стянул вниз. Надвинув на голову подушку, задумался о том, что через четыре года ему будет пятьдесят лет, а он все так же будет каждый вечер ложиться на узкую кровать этой узкой спальни, шарить в поисках бумаг на дне «бара». Не имея рабочего стола, писать на откидной дверце и раздражаться по ночам от глухого стука машинки, одновременно жалея Салиму. Все так же выкручиваться от зарплаты до зарплаты, радуясь тому, что родственники привозят из деревни продукты и злиться на них за то, что они приезжают и неделями живут у них, стесняя их и в без того маленькой квартирке. Давать украдкой Мамеду деньги, чтобы парень мог заплатить за себя и пригласить девушку в кино. Скрывать от всех, что пишет за деньги кандидатские и докторские диссертации, чтобы прокормить семью, и каждый раз возвращая долги, клясться себе, что занимает в последний раз. Нариман сбросил подушку с лица и пнул ее кулаком. Пощупал болтавшиеся на шее тряпичные очки, натянул на глаза и глубоко вздохнул. «Кафедру мне не дадут, – продолжал он размышлять про себя, – так и буду исполняющим обязанности, и.о. или «Иа», и член-корреспондента не видать... А интересно посмертно дают член-корреспондента? Наверное, нет. Член-корреспондент с того

света...»

Нариман громко хмыкнул, потом одернул себя: «Ай Аллах, что за ерунда лезет в голову!» Ему вдруг стало жаль себя и он опять подумал о том, что поездку ему подкинули именно с той целью, чтобы убрать его сейчас подальше из института. «А если самолет разобьется?» – подумал он вдруг и тут же увидел свою фотографию в траурной черной рамке. Услышав похоронную речь, разозлился оттого, что в звучащем лишь в его воображении голосе отчетливо узнал интонации метившего в деканы факультета Идрисова.

Отбросив одеяло в сторону, он сел на кровати, удивившись кремешной темноте, пока не понял, что сидит в тряпичных очках. Сердце бешено колотилось. Он прислушался, но кроме своего громко стучавшего сердца ничего больше не услышал. Стянул очки, сдернул с головы косынку и вновь прислушался. Из кухни не доносилось ни звука, лишь из соседней комнатухи слышалось едва различимое сопение девчушек. Нариман встал, задернул до половины гардины, лег, подтянув под голову подушку, и укрылся одеялом.

В комнату, еле слышно ступая, кто-то вошел. Но вместо ожидаемого скрипа соседней кровати он почувствовал рядом чье-то дыхание. Салима подошла к нему совсем близко, он широко раскрыл глаза, пытаясь разглядеть ее лицо. Белки его глаз устрашающе сверкнули в полумраке и, охнув от испуга, Салима отскочила от него, как ужаленная. Нариман опять сел в кровати. Разглядев сжавшуюся в комочек фигур-

ку жены, раздраженно зашептал:

– Скажи во имя Аллаха, что на этот раз случилось?

– Нариман, ай Нариман, – приглушенно залепетала Салима, подходя одновременно поближе, – мне еще печатать надо, а Мамед телевизор смотрит. Я хотела узнать, если ты уже спишь, если мы не мешаем, а в темноте ничего не видно, вот я и подошла поближе, чтобы увидеть если у тебя глаза открыты или закрыты...

– Закр-р-рыты! – прорычал Нариман.

Салиму словно ветром сдуло.

«Что за женщина! – продолжал злиться Нариман. – Умная была ведь, начитанная. В библиотеке и познакомились с ней. Что происходит? Совсем дома засиделась. Абсолютно ничем не интересуется». Нариман встал, от злости он не мог даже сидеть, не то, чтобы лечь обратно в постель. Подошел к окну, опять раздвинул занавеси и посмотрел на пустынный двор. «Только слышишь от нее – Сара хала сказала, Мясма баджи² показала, – передразнил он про себя авторитеты жены. – Не поговоришь толком. Домой приходишь, от детей покоя нет. Дети уснут, она никак до постели не дойдет. Как будто нельзя утром, пока я на работе все дела переделать. Целый день ведь дома сидит...»

Жгучий стыд удушливыми волнами неожиданно накатил

---

² Xala, bacı (азерб.) – тетя, сестра; уважительное обращение к старшим по возрасту (здесь)

на Наримана, оборвав его на полуслове и заставив смолкнуть. Он медленно подошел к кровати, сел, взъерошил волосы, затем лег ничком. Нашупал подушку и зарылся в нее лицом, уговаривая себя встать. Мысленно он уже стоял на кухне и смотрел на сгорбившуюся спину Салимы, тщетно пытавшейся разобраться в его корявом почерке. Обнял ее за плечи. Посмотрел на какой странице она печатает, подсказал слово, которое она никак не могла разобрать. Потом сказал, что надо купить компьютер. Подумал о том, что нужно расспросить Салиму о том, как прошел ее день и, хотя бы раз, без раздражения, выслушать сегодняшние сплетни и передряги двора, которые в конечном счете не так сильно отличаются от тех, что он слышит в институте. А потом сесть рядом с Мамедом и посмотреть вместе футбольный матч. Он перевел взгляд на телевизор. Глаза слипались. Картинки на экране непослушно подпрыгивали.

«Ведь выспаться можно и в самолете», – успокоил себя Нариман и, прерывисто вздохнув, уткнулся носом в подушку, поняв, что до кухни он так и не дошел. Чувствуя, что куда-то проваливается, ватными руками потянул на себя одеяло, нашел косынку и очки. Привычным движением обмотал лоб, натянул светозащитные очки. Снова обнял подушку, чуть слышно всхлипнул в нее, обиженно прошептав:

– Кто сказал, что я боюсь летать?

И напоследок, подумав о том, что надо было выпить две, а не одну таблетку снотворного, уснул.

Ему приснилось, что он уже в Риме и ходит совершенно один по огромной пустынной площади. Разглядывает возвышающийся посередине обелиск и построенные полукругом здания и радуется тому, что совершенно один. Постепенно эту радость омрачает возникающий вопрос: «А где все люди?» Страх закрадывается в душу. Нариману хочется кричать, но он лишь издает какие-то слабые звуки. Пытается уйти с этой мертвой площади, но с ужасом обнаруживает, что полукруг домов уже замкнулся. Беспомощно озираясь, замечает оставшийся узкий проход между домами и бросается в него, но в самую последнюю минуту, сдвинувшись плотнее, два дома закрывают и этот выход. Нариман медленно возвращается к обелиску и, закинув голову, пытается разглядеть кого-нибудь в окнах, обнаруживая лишь сейчас, что все они задернуты гардинами из точно такого же материала, как в их спальней. Откуда-то издалека доносится слабый крик. Он прислушивается. Кто-то зовет его. Крик нарастает. Затем раздается у самого уха. Он резко оглядывается и видит, как на его голову с криком «Нариман! Ай Нариман!», падает обелиск.

Вскрикнув, Нариман проснулся и, сдернув с глаз тряпичные очки, зажмурился. Вновь открыл глаза и увидел сидящую на постели в ночной рубашке Салиму, потирающую ушибленный лоб. Откинувшись на спинку кровати и, теат-

рально вздернув подбородок, он выжидающе уставился на жену.

– Нариман, – начала оправдываться Салима, – я тебя позвала, ты не слышал, я наклонилась, а ты вдруг резко вскочил, вот мы и стукнулись лбами...

– Ай, Салима, я и так всю ночь не спал, и так у меня голова раскалывается, – раздраженно начал было Нариман, но увидев скривившееся лицо готовой расплакаться Салимы, быстро поменяв интонации, примирительно сказал. – Ладно, ладно, ничего страшного не случилось. И за... вчерашнее, ты прости меня..., я просто уставший был. Перед праздниками всегда много работы. А тут еще эта поездка...

Салима кивала головой, тихонько шмыгая носом. Нариман потянул ее к себе, погладил по голове, по густым тяжелым волосам, рассыпавшимся по плечам. Теплая волна нежности прошла по всему его телу. Салима прижалась к нему, потом вдруг быстро отстранилась и, виновато потупившись, сказала:

– Опоздаешь в аэропорт...

– Что уже пора? – удивился Нариман.

Салима кивнула головой, и, еще раз шмыгнув носом, тихонько добавила:

– Я лучше завтрак тебе приготовлю, Нариман...

Нариман никому не разрешил ехать в аэропорт. Дети повисли на нем в коридоре, щебеча, как птенцы:

– Ата! Ата!³

Расцеловав каждого, Нариман осторожно стряхнул их по одному на пол. Обнял Мамеда. Салима подошла последней и стыдливо поцеловала его. Нариман обнял жену и шепнул:

– Береги себя и детей.

Салима всхлипнула. Нариман быстро повернулся и вышел из дома, волоча за собой старый черный чемодан. В пролете его догнал Мамед и ловко отобрал чемодан. Внизу уже ждало такси. Мамед впихнул чемодан в багажник и еще раз обнял отца. Нариман поднял голову наверх. За закрытыми окнами застекленного балкона торчали головы отчаянно размахивающих руками детишек. Салима не разрешила им открыть окна, чтобы на шум не повыскакивали соседи, и стояла рядом, слегка приподняв Мединку и следя за тем, чтобы никто не потянулся к оконной задвижке. Нариман махнул на прощание рукой.

---

³ ата (азерб.) – отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.